

Сербый

автор: NANIKONI

18+

NANIKONI NANIKONI

Серый. Круг Иттена

<https://litres.ru/73154303>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Некоторые цвета не должны существовать, но они есть. Не для того, чтобы стать чем-то большим. А для напоминания, что такое бывает.

И остается внутри.»

Он живет системой.

Ролью. Числами. Контролем.

Она живет красками.

Импульсом, чувствами, порывами.

Между ними - не история любви. А одна ночь, которой не должно было быть, но которая стала неизбежной.

Комплементарные цвета, смешиваясь, всегда дают серый.

Тихий.

Неправильный.

Настоящий.

Психологический роман о запретной любви и глубине серого.
Литературный дебют NANIKONI.

Содержание

Вступление	4
Глава I : Смешение	6
Глава II : Он	9
Контроль	9
Инициализация	14
Роль	31
Трещина	43
Точка	50
Сбой	56
Она	60
Мелки	60
Карандаши	64
Акварель	75
Холст	101
Краски	106
Конец ознакомительного фрагмента.	109

NANIKONI

Серый. Круг Иттена

Вступление

Круг Иттена — основа, с которой начинает художник. Двенадцать цветов, расположенных в идеальном круге. В нем нет развилки, переплетений - лишь оттенки. Каждый на своем месте.

Самое завораживающее в рисовании - процесс смешивания красок. Почти таинство: ты с предвкушением наблюдаешь, как из двух оттенков получается новый цвет. Но чем чаще пробуешь, чем глубже погружаешься в ремесло, тем меньше тебя интересует сам процесс. Ты уже знаешь, что красный с желтым дают оранжевый, а синий и зеленый - цвет морской волны. Эти сочетания неизменны. Ты больше не смешиваешь из любопытства - ты делаешь нужный цвет.

Но у этого круга есть свои законы - противоположные цвета, их еще называют комплементарными. При сочетании они дают один и тот же результат - серый.

Серый часто обходят стороной. Большинству нравится яркость: живые, насыщенные оттенки. Именно поэтому комплементарные цвета используют отдельно, не смешивая их

между собой. Это правило, которое обычно не нарушают.

И все же, в одной тихой картинной галерее, появляется серый холст. Уродливый, неказистый, такой неправильный на фоне остальных красочных работ. Но был в нем свой смысл, скрытый от глаз обывателей. Стихия, подвластная лишь тем, кто присутствовал при его создании.

И у этой картины было два постоянных посетителя.

Глава I : Смещение

Ее тело было ватным, почти неосязаемым.

Казалось, *она* растворяется в вязкой гуще, без возможности пошевелиться и всплыть на поверхность. Голова отзывалась тихим гулом, а попытки собрать хаос перед глазами не увенчались успехом.

Из оцепенения ее вывел сильный толчок. Яркий калейдоскоп цветных узоров резко сложился в цельную картину.

Он вошел.

Как входит цвет в цвет. Без предупреждения, без перехода, без попытки сохранить исходную чистоту. Пространство внутри нее заполнилось целиком - твердо, глубоко, не давая возможности отступить.

Стон, сорвавшийся с губ, стал первым подтверждением, что пути назад уже нет. Это был звук, которого не должно существовать в ее жизни и который никто не должен был слышать.

Он навис сверху. Его глаза скользили по ее телу, словно анализировали каждое едва заметное движение тела. В его взгляде застыл вопрос: «Могу ли я продолжить?»

И она не думала. Тело отозвалось раньше, чем сознание успело вмешаться. Тонкая струна напряжения резко оборва-

лась, освобождая место для новой, необузданной энергии.

Стоило *ей* двинуться, как все остальное перестало существовать. Сузилось до точки, в которой уже не было ясно: где заканчивается он и начинается она. Каждое касание создавало электрический поток, заставляя тела искать друг друга. Ближе, глубже, сильнее. Действие без насыщения, без остатков.

Изголовье кровати билось о стену, словно посреди комнаты поставили метроном, который с каждой минутой менял свой темп. Основание шаталось, матрас проседал под натиском их объединенного веса, втягивая два тела в образовавшуюся вмятину. Они тонули в этом провале, но не пытались выбраться.

Их стон слился в единый звук - чужеродный, хриплый, рвущийся из самой глубины. Скрип, дыхание у основания уха, шлепки тела об тело. Это была симфония. Запретная. Разрушительная.

Оглушающая тишина в комнате не давила. Не имели значения ни свет, скользящий вдоль приоткрытой двери, ни шум, доносящийся из другой комнаты, ни тиканье часов. В созданном ими же вакууме существовали лишь две переменные: Он и Она. Без лиц, без имен. Лишь водоворот из двух чистых, комплементарных оттенков.

Конец был похож на цунами. Необъятную волну, которая неизбежно затопит все, к чему прикоснется. И когда она накрыла их, когда тело отозвалось заключительным импуль-

сом, это оказалось не плавное угасание и не сладкое послевкусие. Это был обрыв. Они сорвались с него, падая куда-то вниз.

Они рухнули на кровать пластом. Двумя фигурами, размазанными по поверхности, без четкой границы и формы. Тишину нарушало только тяжелое дыхание - оно напоминало, что они еще здесь.

Прижатые друг к другу липкой влажной кожей, они слушали, как их сердца бьются вразнобой и пытались найти общий ритм, который уже не мог существовать.

Глава II : Он

Контроль

Сорок одна минута, сорок шесть секунд - время, которое занимает дорога от дома до офиса. Я приезжаю в восемь. Всегда. Без опозданий, без слов “проспал” или “пробка”. Длинный коридор: двадцать шесть шагов. Лестница: тридцать две ступени. Мои шаги отчетливо слышны. Они эхом разносятся по пустому офису, еще не наполненному голосами и суетой. Я снимаю серый пиджак и вешаю его на крючок у окна.

Декабрь. Небо затянуто плотными облаками, отчего город под ним кажется плоским и тусклым. Приоткрываю окно, вдыхаю свежий, леденящий воздух улиц. Ветер обдувает черные пряди волос, оставляя мысли чистыми и готовыми к работе. Сажусь в кресло, поправляю кружку так, чтобы ручка смотрела прямо.

Среда. Проект почти закончен. До сдачи еще пара дней, поэтому я успеваю уложиться в срок. Эта мысль дает корот-

кое облегчение.

Пальцы отбивают ритм по клавиатуре, рядом тикают старые коричневые часы. Их ход совпадает с темпом нажатий. Успокаивает.

Обычный день.

Я тянусь, чувствуя, как затекли плечи, а глаза от напряжения невольно начинают заплывать. Провожу рукой по лицу, почти машинально, будто можно стереть с себя накопленную усталость. Под пальцами заросшая щетина. Надо будет побриться на выходных.

За дверью слышны шаги. Кроксы. Эти звуки невозможно перепутать.

- Пошли. Сегодня куриные котлеты с гречкой, - говорю заранее, не оборачиваясь.

- С чего ты взял, что я зову тебя на обед? Тебя начальник вызывает. Срочно, - тот явно не ожидал, что его намерения считают так быстро, поэтому попытался подшутить.

Он стоит в дверях, скрестив руки. Миловидный парень, лет на двадцать моложе меня. Белые кроксы, разноцветные

фигурки на них. Так и не понял, кто на них изображен. Он без умолку рассказывает про свои любимые киновселенные каждый день. Иногда хочется поставить его на беззвучный.

Он улыбается, ожидая реакции на его шутку.

Тяжело вздыхаю. Отодвигаю стул и направляюсь в сторону выхода, не обращая внимания на его едва грустное лицо. Шутку не оценили. Может хоть сегодня даст поесть спокойно.

В столовой он уже забыл обиду и увлеченно обсуждает новую серию сериала про супергероев. Я почти не слушаю. Мой взгляд цепляется за то, как мошка, перебирая крыльями, бьется о стенки стакана с чаем. Она не понимает, где выход.

После обеда опять офис.

Часы отстучали восемь раз. Рабочий день окончен. Солнце уже давно скрылось за горизонт, оставляя шумный город томиться в искусственном свете. Машина мчит по знакомым улицам. Мигание светофора и нога автоматически ложится на тормоз.

Красный.

Цвет опасности. Цвет крови. Цвет ссадины на колене, когда я впервые подрался с соседским мальчиком, не поделив с ним машинку.

Зеленый.

Цвет травы. Цвет стен в подъезде родного дома. Цвет ящерицы, которую когда-то поймал и прятал в банке, пока отец не нашел ее.

Я ловлю себя на мысли, что улыбаюсь.

- Молодость, - говорю вслух.

Слово застревает где-то на кончике языка, добираясь по закоулкам сознания до самого центра. Улыбка медленно сползает, оставляя после себя отпечаток чего-то незримого, давно позабытого.

Инициализация

Кажется, все началось двадцать лет назад.

Воздух в аудитории был легким, теплым, по-особенному весенним. Время, когда уже ощущается приближение летних каникул, но еще нет бессонных ночей и нервной работы над курсовой.

И я спал. Подложив руки под голову, почти сопя под убаюкивающий голос преподавателя по не-особенно важному предмету. Мои черные волосы еще не были острижены по принципу “главное, чтобы не мешались”, а небрежно рассыпались по лицу, закрывая половину чистого, юношеского профиля.

- Александр. В чем разница между принципом и моралью? - преподаватель устало посмотрел на спящего студента за последней партой, прекрасно понимая, что тот его не слушал.

Кто-то дернул меня за плечо, вырывая из яркого сна, который, к сожалению, исчез в тот же миг, как я открыл глаза. Сосед сидел рядом и показывал взглядом, что смотреть сейчас нужно не на него, а на человека у доски.

Одним неловким движением я стер с лица остатки сна и с самым серьезным видом ответил на вопрос, которого не знал, но который слишком часто мелькал на парах по философии:

- Жить надо так, чтобы потом не жалеть об упущенном прошлом. Короче, в кайф.

Фраза в конце вывела преподавателя из себя. Со скандалом он выгнал меня за дверь вместе со всеми вещами, добавив, что зачет по его предмету я не получу.

На душе радостно, сегодня приду домой пораньше. Я почти чувствую запах любимых пирожков с капустой, которые мама обещала испечь утром.

Отличный день.

Я тащился в сторону подъезда, волоча за собой сумку, в которой кроме тетрадки с вырванными листами, пары жвачек и сигарет ничего не было.

Войдя в квартиру, я сразу почувствовал напряжение. Лишняя пара обуви у двери означала лишь одно - отец вернулся из командировки. С усилием надавил пальцами за край ботинка, снял его и медленно поставил рядом. Мялся у входа, не желая проходить дальше. Урчание в животе заставило сделать шаг. Кухня встретила меня тяжелым, холод-

ным взглядом. Он сидел спокойно, почти неподвижно. Спина ровная, офицерский китель с тремя звездами на погонах.

- Почему так рано? Совсем не учишься? Садись.

Последнее было не предложением. Приказом. И я сел.

Мама суетилась вокруг него, стараясь угодить. Он был недоволен. Не та ложка. Суп без лука. Хлеба нет на столе. И это его движение - поворот кружки, чтобы та стояла ровно.

В животе закрутило, я напрягся, чтобы подавить кислоту, поднимающуюся к горлу. С силой оторвал кусок хлеба так, что его крошки разлетелись по всему столу. Отец взглянул на меня. Нервно я начал стряхивать их к себе в руку, мама тут же подлетела с тряпкой. В груди что-то металось и давило, но я просто продолжал смотреть.

После обеда я выскочил из квартиры как ошпаренный. Три этажа, звонок, и я уже в доме у своего лучшего друга детства - Сергея.

Он стоял в дверях с влажной головой, в старых голубых шортах и котом наперевес, чтобы тот не выскочил за открытую дверь. Сергей посмотрел на меня с сочувствием еще до того, как я вошел. За окнами стояла отполированная фиолетовая "девятка". Весь двор знал, чья она.

- Проходи, может чаю? Гляжу, встреча не удалась.

Он поправил свои очки. Не потому что сползли, скорее по привычке. Я оглядел кухню. Взгляд зацепился за диплом, висящий над столом: юридический факультет.

- Как работа? - спросил я, стараясь перевести тему.

- Да... Отлично. Платят достаточно, - взгляд был усталый, но голос старался держать бодрым.

С первого взгляда он казался идеальным. Иногда это даже раздражало, особенно когда его приводили в пример. Никто ведь не знал, как на праздниках, перебрав с алкоголем, он швырял из окна все, что находил в холодильнике. После этого случая соседи начали отпугивать местных собак, чтобы не разносили мусор по двору. Я едва заметно улыбнулся, но сразу отвел взгляд.

Он заметил.

Дни шли своим чередом.

Каникулы. Звонок раздался утром, на другом конце провода радостно трещал голос Серёги :

- Родители позвали к себе на все лето. Поехали со мной? Все будут тебе очень рады.

Я отодвинул трубку чуть дальше от уха, чтобы его возмущенный голос не оглушил меня. После последней фразы внутри отозвалось приятной вибрацией. Мы перекинулись парой слов и я с энтузиазмом положил телефон на место. Переминаясь с ноги на ногу я вошел в отцовский кабинет.

- Нет, - прозвучало ровно, без интонации.

Он сидел в кресле, читая газету. Отказ эхом повис в воздухе.

- Каникулы - для подготовки. Или тебе напомнить, как я договаривался за тебя с учителем философии?

Внутри поднималась жгучая волна. Я унял дрожь в руках и стиснул кулаки.

- Я поеду, - фраза получилась твердой, режущей.

Впервые я возразил отцу не с вызовом, а с четким, железным убеждением. На кухне затихла мама.

Через неделю сумки были собраны. Первое, что я услышал у них на даче, был шум - живой, суетливый. На кухне звенела посуда, пахло выпечкой и чистым бельем. На ули-

це Сергей с отцом рубили дрова для камина и обсуждали покупку нового спиннинга для рыбалки. Я сидел на крыльце, прислонившись спиной к древесине, и вслушивался. Не в звуки - в ощущения. В тишину внутри, которая сейчас казалась не пустой и холодной, а спокойной, как тихое море.

Вечером за столом мать разливала чай по кружкам, а отец помогал расставлять посуду. Они выглядели спокойными и счастливыми. Взял кружку и посмотрел, как переливается свет в чае. Сделал горячий, жгучий глоток. Тепло медленно разливалось по телу.

В тот день я заснул почти сразу.

Нас разбудили рано, когда на улице еще было темно. Отец Сергея пошел заводить машину, мы толкали друг друга в плечо, пытаясь проснуться. Глаза предательски не хотели открываться, сон догонял сознание. В какой-то момент раздался удар где-то посередине. Отцовский сапог прилетел из темноты дверного проема. Мы вскочили сразу.

Дорога до речки была тихой. Рассвет поднимался, окрашивая небо яркими цветами. Деревья и поля проходили мимо. Одни за другим.

Нас встретил рой комаров, от которых мы отмахивались

старой газетой. Получалось плохо. Его отец сидел спокойно, наблюдая, как поплавок качался на поверхности воды.

В какой-то момент леска начала мотаться из стороны в сторону.

- Клюет! - закричал я. Птицы, сидящие на дереве, взлетели вверх.

Мы взялись за удочку втроем. Рыба поддавалась тяжело, с напором, леска уходила под воду. Я взял сачок с берега и полез в воду. Холодная. Одежда быстро намочила до пояса, приликая вплотную к коже. Рука опустилась ниже, нащупывая песчаное дно. Резким движением тряпичная сетка взмыла вверх. В пальцах потяжелело, деревянное основание трещало. Серега подскочил рядом, подхватил рыбу снизу. Карп встрепенулся в руках, выскользывая наружу, мы взяли его почти одновременно.

Смех вырвался сам. Теплый, громкий, живой. Держали рыбу в руках и улыбались, будто выиграли в лотерее.

Раздался щелчок.

Отец Сергея держал фотоаппарат в руках, который вовремя достал из кармана. Вспышка угасла, оставляя изображе-

ние на пленке. Дыхание рваное, хриплое, в груди бешено бьется сердце. Я посмотрел на друга. Единственное о чем думал - как я рад, что в детстве, мы не поделили машинку.

Это лето отпечаталось в памяти сильнее остальных.

Я вернулся с сумками, набитыми банками с вареньем, домашними закрутками и бутылкой самогона - подарок отцу. Мне ее дали, когда я рассказал про нашу ссору. Он встретил меня в прихожей, сняв ремень со шкафа. Не для меня. Отец прошел мимо, бросив через плечо:

- Раз такой взрослый, оплачивай учебу сам.

Через два дня он уехал в командировку.

Мама позже сказала, что переживать не стоит, учебу он оплатил. Эти слова должны были успокоить, но внутри все равно нарастало беспокойство.

Не помню сколько прошло дней. Или недель.

Помню вечер. Я вернулся с прогулки поздно. Мамы еще не было дома, обычно она возвращалась раньше. Сидел на кухне, слушал тиканье настенных часов. Дверь тихо отворилась и слышалось нервное шуршание у порога.

Она аккуратно зашла на кухню. Вид потрепанный и уставший. От нее непривычно пахло хлоркой, а руки были сухими и покрасневшими. Увидев меня, ее лицо расслабилось, а уголки губ приподнялись. Смотрела, будто извиняясь за что-то. Краем глаза заметил конверт с деньгами. Она быстро убрала его в ящик. Пара суетливых движений и на столе появились свежие бутерброды с колбасой и кружка чая. Я застыл. Сидел неподвижно, заставляя себя сделать хоть что-то. Взгляд зацепился за кружку. Я потянулся и одним движением поправил ее, чтобы ручка стояла прямо.

Сентябрь выдался на удивление теплым.

На улице весело стрекотали птицы, утреннее небо было светлым и чистым. Сосед шел в магазин у дома за спасительным пивом. Я посмотрел ему вслед с легкой ноткой зависти.

Осень наступила, не давая опомниться. Казалось, что каникул и не было вовсе. Голова предательски звенела, напоминала о том, что стоило лечь пораньше, а не зависать с друзьями во дворе до полуночи. Так я и дошел до ворот. Последний год. Свобода. Воодушевление наполнило мои легкие, и я с радостью переступил порог университета.

Девушка. Новенькая.

Волосы черные, как смоль, заплетены в аккуратную косу. Она сидела за столом и читала. Казалось, совсем не обращала внимания на растрепанного парня, только что вошедшего в аудиторию. Наверное, этим и зацепила мой взор. Тем, что не смотрела.

- Привет! Не видел тебя раньше, недавно перевелась?

Мне хотелось оторвать ее от учебника. Но не получилось. Она не отреагировала, не взглянула. Отрешенно, почти с явным недовольством, бросила что-то вроде “ага” и снова спряталась в своем убежище.

Я остановился у ее парты. В любой другой день я бы просто ушел. Пропустил этот неловкий момент, как сделала она. Но не сегодня. В день, когда начался отсчет до моего освобождения из домашних оков, я не мог сдать. И подсел рядом.

Карие глаза поднялись и сфокусировались на одной точке. На мне. Она смотрела не оценивая и не изучая, скорее задавая вопрос. Мне захотелось, чтобы она обратила на меня больше внимания.

Так я начал подсаживаться к ней на каждом занятии.

Октябрь. Она сидит, надув губы, слушает скучную лекцию по физике. Кажется, ей нравится. Активно записывает что-то себе в тетрадь. Опять не смотрит на меня. Я взял ручку, нарисовал небольшой цветочек на полях. Она резко отдернула лист. Посмотрела на меня, будто я совершил преступление.

- Сдурел?

Преподаватель закашлял, оповещая о том, что нужно придерживаться тишины. Она быстро вернулась к уроку, выставила руку вдоль тетради, чтобы я не смог отвлечь ее снова. Я невольно улыбнулся.

После пар пошел за ней следом.

- Не ходи за мной, - сказала она не оборачиваясь.

Она шла уверенным шагом, но голос выдавал ее небольшой интерес.

- Я помогу, - выхватил сумку из ее рук. Она посмотрела мне в глаза, но не возразила.

Мы прошли два квартала. Незнакомый новый район.

Обычно квартиры здесь выделяли за какие-то выдающиеся заслуги. Остановились у небольшого кирпичного сооружения, больше похожего на деревенский туалет. До подъездов еще далеко.

- Сумку, - она вытянула руку.

Я отдал. Она наклонилась, села на корточки. Наверное, развязались шнурки. Опустил взгляд.

Котенок. Рыжий.

Она кормит небольшой порцией влажного корма, который достала из сумки. Я впервые увидел, как уголки ее губ приподнялись. Справа на щеке образовалась небольшая ямочка.

- Мама запрещает забрать. У нас с этим... Строго, - ее улыбка спала, она вздохнула.

В ее взгляде было что-то знакомое. Я внезапно вспомнил отца.

- А мама... - начал задавать вопрос, но она опередила его.

- Кандидат наук. Я тоже стану, - сказала так, словно за нее

уже все решили, - Поэтому не мешай.

Она поднялась и ушла не попрощавшись. Я смотрел вслед. В груди металось, сжал кулаки сильнее. На следующее утро я купил пачку корма перед университетом. Мы ходили кормить котенка еще несколько недель, пока он не исчез. Хотелось верить, что кто-то забрал его домой.

Ноябрь. Под ногами слякоть и грязь. Я шел, придерживая ворот пальто. Старался балансировать, чтобы капли дождя, который пошел в самый неподходящий момент, не расплескались на небольшой букет ромашек, купленный по дороге. Залетел в аудиторию, мотая головой. Волосы влажные, вода стекает по шее.

За окном было серо, почти темно. Первым, что я увидел за дверью - ее черная макушка. Потом она расправилась, подняла плечи, нахмурилась и начала стряхивать с себя лишнюю влагу. Тоже не ожидала дождя.

Она подошла к парте, и ее напряженное лицо на мгновение стало мягче. Ромашки.

- Опять? Я же говорила, мне не до этого.

В голосе звучало отторжение, но букет она приняла. Мы

сидим вместе уже два месяца. Друзья злились, что вместо задних парт и разговоров с ними, я упорно продолжал добиваться внимания тихони.

В тот день меня позвали на вечеринку за городом. Компания небольшая, знакомая. Понимал, что шансов мало, но все равно решил пригласить.

- Хорошо.

Я сначала даже подумал, что она не расслышала. Переспросил, получил тот же ответ. Мне захотелось отпраздновать эту маленькую победу.

- Мама придет с конференции в девять. Нужно быть дома, - уточнила она.

Мои плечи резко опустились. Воодушевление ушло, но я все равно с предвкушением ждал встречи.

Вечер.

Я встретил ее у дверей, немного путаясь в ногах от выпитого алкоголя. Ее тонкие щиколотки переступили порог и замерли у прихожей. Она ждала, когда я помогу снять пальто. Я помог.

Мы прошли в комнату отдельно. Сели рядом на стулья у кухонного стола. Ее спина была слишком ровной и напряженной.

После первого бокала атмосфера изменилась. Ее взгляд, холодный и отчужденный, постепенно наполнялся блеском и игривостью. Как пузырьки от шампанского, которое она пила. Я впервые услышал ее смех. Не усмешку, не ворчание, а живую, бурную реакцию на мою историю про потоп в кабинете химии. Хотя она была не такой уж смешной. Сергей похлопал меня по плечу и сказал: «Наконец у тебя появилась хорошая девушка». Я едва заметно смутился, потому что мы еще не были в отношениях.

Потом все разошлись по комнатам, оставляя нас наедине. Мы сидели на кухне, обсуждали школьные истории. В бокалах давно опустели, а часы отстучали девять раз. Думаю завтра ей сильно достанется от мамы.

- Ну и вот, стою я полностью грязная на улице, и тут идет мама. Она чуть ли сумки не выронила от шока, - рассказывала она, размахивая руками.

Я рассмеялся, наверное громче, чем стоило. Она посмотрела на меня. Мы замолчали и что-то неуловимо теплое, плотное, закружилось между нами. Я подумал: вот он, тот

самый момент. В голове что-то щелкнуло, как перед прыжком.

Наклонился, и наши губы соприкоснулись: медленно, аккуратно. Мы не целовались, изучали. Пытались понять, каково это и что из этого выйдет. Неуклюже, неряшливо, ровно так, как бывает в первый раз.

Я отстранился, чтобы увидеть ее лицо. Понять понравилось или нет. Она смотрела в ответ: смущенная, но все еще собранная. Тогда я поцеловал ее снова, на этот раз увереннее. Моя рука, ведомая сама по себе от выпитого алкоголя, схватила ее за талию и притянула ближе. Она всхлипнула от неожиданности, но не отстранилась. Я начал расстегивать пуговицы на ее белой блузке. Пальцы дрожат, будто выбираю, какой провод обрезать : синий или красный. Стянуть с нее юбку получается не с первого раза. А когда это удалось, тут же возникла новая мысль: лишь бы сделать всё правильно.

И я прислушиваюсь: к звукам, к дыханию, к жару ее кожи.

Я вошел.

Осторожно, как хирург, делающий первый надрез перед сложной операцией. Она прогнулась в пояснице и взвыла,

прикрывая рот рукой, чтобы никто не услышал. Тело обдало теплом, но я сразу вернул себе контроль, чтобы все не закончилось слишком быстро. Она сжалась так, что казалось, внутри не осталось пространства. С каждым движением все внутри сжималось, пульсировало. Главное - вовремя остановиться.

Остановиться не получилось.

Это было похоже на удар. На волну, идущую от макушки до самого низа. Вспышка, от которой на мгновение замирает сердце.

Я стоял неподвижно, чувствуя, как возбуждение спадает, а дыхание постепенно выравнивается. Сердце билось глухо, тяжело. Не от близости и не от произошедшего.

От страха.

От ощущения, что что-то уже сделано, а понимание придет слишком поздно, чтобы что-то изменить.

Я стоял неподвижно и не знал, смогу ли вообще сдвинуться с места.

Роль

Пять. Шесть. Семь.

Я наблюдал, как она подносит руку к лицу, смотрит куда-то вдаль, а потом вздыхает и убирает ее. Спина ровная, сидела на деревянном стуле без спинки и выбирала блюдо в меню небольшой забегаловки у дороги. Казалось, она снова и снова читает строки, но не может понять, что на них написано.

Вокруг был шум - голоса о работе, делах и погоде. Ненавязчивый, как помехи на старом телевизоре. После того раза мы не виделись. Ее держали дома, каникулы начались чуть раньше. Мы не смотрели друг другу в глаза.

Нас разделял стол, темный и шероховатый. С края небольшой скол, который я ковырял пальцем, а на поверхности виднелись засохшие липкие следы от чего-то сладкого. Молодая официантка не заметила этого, или сделала вид, что не замечает. Я сделал заказ и убрал меню в сторону, кинув взгляд на свою спутницу. Она едва заметно вздрогнула.

- Кофе. Черный, - отчеканила официантке.

Восемь.

Я попытался завести диалог, потому что тишина между нами казалась невыносимой. Она отвечала односложно, будто читала подготовленный текст. А потом, между делом, проронила:

- Задержка. Девять дней.

Я знал. Понимал. Но все равно не мог подобрать нужных слов.

- А, понятно.

Фраза получилась глупой и вымученной. Я сильнее надавил пальцем. Кусок стола отвалился и упал на пол.

- Мама сказала никакого аборта.

Я кивнул.

Она молчала. В ее взгляде проносилась злоба, обвинение, вопросы. Тяжело вздохнул. Потянулся ближе к ее ладони, но она быстро убрала руку. Ее плечи дернулись.

- Прости, - сказала она, будто сделала что-то неправильное.

- Все хорошо, - соврал я.

Кофе был выпит, кафе почти опустело, оставив нас наедине с мыслями о будущем, которое только что исчезло.

- Будет свадьба. Тихая. Я договорюсь.

Отец произнес это как инструкцию. Без жалоб. Без предложений.

Я стоял напротив него неподвижно. Он сидел, сложив руки в замок, смотрел куда-то в одну точку. Газета аккуратно сложена на краю стола. Мать намыливала тарелку, смывала, и снова брала ту же самую.

- Учебу бросишь. Пойдешь в армию.

Я кивнул.

Тарелка выскользнула из рук и с треском упала в раковину. Никто в комнате не шелохнулся.

- С жильем и работой помогу.

Отец взял газету, начал листать страницы. Разговор окончен.

Взгляд скользнул, зацепился за картину у окна.

На ней одуванчики. Я посчитал. Девять штук.

Щелчок затвора.

- Улыбнитесь.

Кажется, я моргнул.

Она стоит рядом в бежевом платье, купленном на распродаже. В груди не сходится, чуть спадает с плеч. Разговаривает со своей мамой, та крепко держит ее за руки, презрительно бросает на меня взгляд. Я отвернулся. Она подошла, держа руками подол своего платья, чтобы он не испачкался в грязи. Взял ее под руку и повел алтарю. Мы почти не смотрели друг на друга. Внутри было пусто, будто все вокруг происходит не со мной, а с кем-то другим.

Клятвы. Кольцо. Штамп.

Через неделю пришла повестка.

Я проводил жену до больницы. Мы коротко обнялись на прощание, она кивнула и скрылась за дверьми. До военкомата дошел петляя между кварталами, оттягивая момент. Родители уже ждали у входа.

- Дальше сам. - Отец пожал мне руку, холодно и коротко.

Мать провожала взглядом, глаза красные и опухшие. Она будто хотела что-то сказать на прощание, но не смогла. На улице слякоть. Я в новых армейских ботинках, они жмут и натирают ноги.

Автобус мчит в неизвестном направлении. В окно я не смотрел.

На первый - второй рассчитайся.

Пять. Шесть. Семь.

Командир считает отжимания.

Движения механические. Все двигались в одинаковом ритме.

Двадцать три.

Койки в казарме.

Последняя — моя.

Первая ночь казалась слишком темной и тихой.

Потом привыкаешь.

Тридцать. Тридцать один.

Прошел месяц.

Я перестал считать дни.

Сослуживцы читают письма от возлюбленных. Мне писала только мама.

Сто двадцать.

Ударов в минуту.

Я прибежал первым.

Командир похвалил. Остальных поставили в суточный ряд.

На следующий день мне поставили подножку у лестницы.

Двести семь.

Номер на жетоне.

Вешаю на шею.

Цифры в голове.

Они считали себя сами.

Спустя год я вернулся.

Темный подъезд. Знакомый адрес.

Я поворачиваю ключ три раза. За дверью глухо и тихо. Одним движением дергаю ручку. Она поддается без усилий.

Внутри все так же, но чужое. Квартира бабушки, куда я приезжал на каникулы. Потрепанный косяк с едва заметными отметинами. На самой высокой - надпись: «Сашенька. 9 лет». Новые обои отходят от стены, будто клеили второпях, не давая обсохнуть. Надо будет заняться. Позже.

По полу разбросаны игрушки, в глубине кухни - тарелка с едой. Уже холодная. Я кладу сумки аккуратно, чтобы никого не разбудить, вешаю китель на крючок, снимаю обувь.

- Ты? - тихий голос раздался из спальни комнаты.

Я на мгновение замираю.

- Я.

Послышался звук пружин и медленные, неровные шаги. Она балансировала, чтобы не задеть скрипучие половицы. Остановилась у порога кухни. На ней светлая хлопковая ночнушка с небольшими засохшими пятнами от чего-то вязкого и липкого.

Она взяла тарелку и отправила ее в микроволновку. Мы молчали, но тишина не давила. Это было узнавание. Я видел круги под ее глазами, растрепанные волосы, сухие руки. Она видела ровную спину, осунувшееся лицо, осторожный взгляд.

Роли, которые оба покорно приняли.

Щелчок. Суп на столе. Ложка.

Так начался быт.

Неделя.

Я проснулся чуть раньше будильника. Лежу неподвижно, прислушиваясь к дыханию рядом. Она спит на боку, повернувшись лицом ко мне. Поправляю одеяло, сползшее с ее плеча. Она просыпается от касания, раздраженно переворачивается на другой бок. Зря я это сделал. Встаю медленно, стараясь не скрипнуть матрасом. Глухой звук все равно наполняет комнату. Она вздыхает. Одеваюсь ровно, механически: рубашка, брюки, пиджак. Из дома выхожу вовремя.

На улице еще темно, но город постепенно оживает. Машины тянутся по дороге, кто-то коротко сигналит, на остановке обсуждают новости. Все сливается в единый приглушенный гул. В автобусе тихо, пассажиры дремлют на своих сидениях, в глубине тихо играет радио, через темные окна отражается холодный свет фонарей. Путь не занял много времени.

Офис спрятан между одинаковыми многоэтажками спального района: облупленный фасад, пахнет пылью и сыростью. Я поднимаюсь по лестнице пешком. Каждый шаг звучит глухо и одиноко. Иду по коридору к самой дальней двери. Вешаю пиджак на крючок возле входа, открываю окно, чтобы впустить свежий воздух в помещение. Ставлю кружку на стол.

Экран загорается с легким треском, я открываю рабочую страницу. Таблицы. Строки. Цифры.

Я пишу, перепроверяю, открываю следующую страницу. Щелчок мыши. Стук пальцев по клавиатуре. Снова щелчок.

Время тянется густо и вязко.

На часах пять, я ухожу с работы раньше. По пути захожу в продуктовый. Ноги сами ведут меня в детский отдел, беру баночку, кручу ее в руках и отправляю в корзину. Дальше все по списку - лук, хлеб, молоко.

Ключ провернулся три раза. Я захожу домой, снимаю обувь. Провожу рукой по обоям - держатся крепко. В комнате горит теплый приглушенный свет. Она сидит в кресле, прижав к себе сына. Ресницы опущены к книге, читает сказку: голос тихий и спокойный. Я делаю шаг. Пол скрипнул. Ребенок вздрагивает и в следующий миг комнату разрезает плач. Она глубоко вздыхает.

Через час ребенок лежит в кроватке. На кухне шуршит

пакет, женские руки перебирают покупки. Лук уходит под кухню, хлеб упакован в пакет, молоко в холодильнике. Детское пюре. Она смотрит на банку дольше, чем нужно.

- Он такое не ест.

Резко отставляет в сторону. Доньшко бьется об стол. Она кладет ужин в микроволновку.

Суп. Ложка. Лежит криво.

Месяц.

Я просыпаюсь. Встаю медленно, чтобы не задеть пружину под спиной. Одеваюсь и выхожу из дома.

Автобус, спотыкаясь о кочки, катится по дороге, за окном темно. Путь занимает девятнадцать минут. Я стою у входа в офис - пять ступеней, коридор, дверь. Пальцы стучат по клавиатуре в такт часам, висящим на стене. Шесть часов. Ухожу домой вовремя.

Три поворота ключа. Обувь аккуратно сложена у стены. Сын уже спит.

Я прохожу мимо детской кровати и останавливаюсь. Смотрю, не подходя ближе. Сын спит глубоко и безмятежно. Дыхание ровное, щеки мягкие и круглые. Губы влажные, растянуты тонкой полоской по лицу, кажется, он улыбается

во сне. Я разглядываю его, пытаюсь найти сходства, но не нахожу. Над кроватью медленно кружатся разноцветные игрушки. Они движутся почти бесшумно, описывая одинаковые круги.

Иду в спальню. На комодe увидел альбом. Открыта страница с фотографией - жена стоит с ее мамой возле университета. И подпись: «Будущая выпускница». Позже альбом исчез в одном из шкафов. Больше она его не доставала.

На кухне она сидит за столом, наклонившись вперед, в окружении бумаг и бутылочки молока. Держит в руках ручку и смотрит на счета: где-то прописаны даты, где-то суммы, итог заключен в ровный круг.

- Денег не хватает. Нужно экономить, - говорит она, не поднимая глаз.

Я киваю.

Ужин в микроволновке.

Ложка. Криво. Поправляю ее.

Год.

На работе все так же тихо. Стук клавиш. Часы. Семь.

Я иду пешком, чтобы освежить голову. По пути замечаю

неоновую табличку. Бар. Решаю заскочить на пару минут. Внутри меня накрывает низкий свет, запах хмеля и чего-то солоновато-кислого. Я сажусь на стул и разглядываю поблескивающие бутылки на витрине.

- Пиво. Ноль пять.

Первый глоток - холодный, резкий. Я морщусь от горечи и газов, подступающих к горлу. Пью медленно, не чувствуя вкуса. Перестаю считать трубочки в подстаканнике. Музыка сменяется одна за другой, кто-то просит поставить свою. Я наконец смотрю на часы. Пора домой.

Три поворота. Кидаю обувь у входа. В квартире тихо, все уже давно легли спать. Окружение темное, едва различимое. Добираюсь до кухни на ощупь.

Тарелка на столе. Я разогреваю сам.

Трещина

Пять. Шесть. Семь.

Года сменяют друг друга.

Обычный день.

Звонок раздался неожиданно, заставив отвлечься от рассматривания трещины на стене. Обычно так поздно никто не звонил. На другом конце провода мужской голос. Сергей.

- Привет, Сашка. Давно не общались. Хотел пригласить тебя на свой юбилей. Приедешь?

Его голос звучал так же тепло и низко. Я узнал его сразу, будто прошедшие годы не оставили на нем отпечатка. Согласие вырвалось быстрее, чем успел поставить его в свое расписание. Положил трубку на место и осторожно вошел на кухню. Она сидела с сыном за столом, показывая пальцем на что-то в тетради. “Математика 1 класс”. Сын держал карандаш слишком крепко - линии выходят неровными, размашистыми. Он хмурил брови, но продолжал писать. Я замешкал-

ся в дверях, а потом спросил. Она замолчала и на миг оторвала глаза от книги. Смотрела, будто желая возразить, но тут же вернулась обратно к учебнику.

- Хорошо.

Я облегченно выдохнул.

Через неделю стоял у шкафа и выбирал, что надеть на встречу. Она молча гладила белую рубашку. У выхода лежал небольшой подарочный сверток. Попросил купить что-то подходящее к празднику. Внутри не заглядывал, просто захватил с собой.

Дорога до их дома была тихой и плавной. Я смотрел в окно, рассматривая знакомые дома и улицы, но не мог вспомнить их названия.

Под ногами небольшой коврик с надписью “дом” на английском. Светлый чистый коридор. Шкаф с розовым зонтиком и три пары обуви. Меня встретил смех - легкий и звонкий. Потом появляется женская фигура. Она шла, покачивая бедрами, в руках перебирала спутанную гирлянду с буквами. Тонкая лента перекрутилась, поздравление съехало и превратилось в цветной беспорядок. Посмотрела на меня и улыбнулась.

- Проходи, не стесняйся. Сережа скоро придет.

Одним движением она расправила петлю в руках и теперь слова можно было разобрать. Я не успел осознать, как мои руки сами потянулись помочь повесить гирлянду на крючки.

- Спасибо, - прозвучало светло и искренне.

Я провел пальцами по подушечкам, будто пытался нащупать что-то важное.

Сергей с друзьями пришли через полчаса. Бокалы наполнились спиртным, звучали тосты, музыка становилась все громче. Я не сразу понял, что смотрю именно на них. Они сидели рядом, плотно прижавшись друг к другу. Сергей обнимал ее за плечо. Смотрели в глаза, широко улыбаясь. Потом короткая пауза - проверка, что другие отвлечены. Поцелуй. Они целовались в губы горячо и жадно, будто не хотели растягивать момент. Его рука скользнула вниз по талии, вбирая пальцами бедро. Ее щеки вспыхнули, а тело едва заметно вздрогнуло.

Музыка продолжала играть, но в ушах звенел лишь шум. Он уносил меня к холодному ужину на столе. Мне хотелось отвернуться, изобразить неловкость. Но жгучая волна зависти не отпускала.

Наконец кто-то начал стучать ложкой по бокалу, чтобы поздравить именинника. Я выдохнул и отвернулся. Мои глаза сами нашли темный проем двери. Девочка. Стоит, высунув голову из угла, и смотрит так, будто пытается поймать чей-то взгляд. Она заметила меня и тут же спряталась в темноте. Я улыбнулся. Вспомнил сына - как он стоит в магазине, сжимая кулаки, и упрямо просит очередного трансформера. Должно быть, она примерно того же возраста. Макушка снова появилась. Девочка неловко подозвала меня к себе. Я посмотрел на Сергея и его жену: они увлеченно разговаривали с гостями. Встал тихо, стараясь не нарушать атмосферу и подошел к двери. Присел, чтобы услышать, что она хочет сказать.

- Хочу попить - прошептала она мне на ухо.

Я засмеялся. То ли от наивности просьбы, то ли от того, как она тут же смутилась и опустила взгляд. Я протянул руку, чтобы помочь дойти до кухни. Она взяла мою ладонь.

Я поймал себя на мысли, как легко дышится в этой комнате. Каково просто быть частью этого живого пространства. Но тут же отогнал эти ощущения прочь.

В тот же вечер я вернулся. Лежа на кровати, рассматривал знакомую трещину на стене. Она казалась больше, чем прежде.

Сегодня я вернулся домой раньше. Весь день я смотрел на часы, а на улице было светлее, чем обычно.

Квартира залита естественным светом. На столе еще пусто. Сын носился по комнате на игрушечной лошади, напевая простую песню из мультфильма. Я прошел в спальню. Она сидела в кресле спиной к двери, читала книгу и едва заметно улыбалась. Не заметила, как я подошел ближе и наклонился, чтобы увидеть название. Роман.

На обложке две фигуры, прижатые телами. В голове сразу всплыла поездка. Поцелуй. Я потянулся к ней сзади, чтобы обнять. Она вскочила резко, будто обожглась. Книга с глухим стуком упала на пол. На секунду в ее лице мелькнуло что-то чужое, напряженное - и тут же исчезло.

- Ты сегодня раньше. Сейчас разогрею ужин.

Она прошла мимо и скрылась в дверном проеме.

Через пару минут пошел следом на кухню. Я не следил за временем. Сидел один на кухне и ковырял ложкой пустую тарелку. Когда вышел - увидел сына, сидящего на полу. Собирает пазл. Детали разложены неровным кругом, он сосредоточенно перебирает кусочки, примеряя их друг к другу. Я опускаюсь рядом и мы начинаем собирать вместе. Он передает детали, я поворачиваю, ищу совпадения. Картина постепенно вырастает - фрагмент за фрагментом. Я обнаруживаю, что кусочек в руках не подходит. Не вписывается: цвет

не тот, линия ломает рисунок. Вижу, но все равно с усилием вставляю ее рядом. Картина меняется. Продолжаю собирать, несмотря на образец. Серые фрагменты переплетаются, контур закручивается, орнамент складывается в странную спираль. Я смотрю на результат с интересом. Будто в этом не предусмотренном инструкцией фрагменте, было что-то правильное и завораживающее.

Сын смотрит на упаковку и хмурится.

- Неправильно

Голос дрожит. В его взгляде обида и непонимание. Он грубо пинает коробку и убегает к маме. Я остался сидеть на полу. Руки застыли, не в силах разобрать абстрактный узор. Всмотривался, будто надеясь, что исходная картинка изменится. Я вздыхаю и начинаю убирать пазл. Медленно, по кусочкам, складываю их обратно. Закрываю крышку и закидываю ее на самую дальнюю, верхнюю полку шкафа.

Глаза начинают закрываться сами. Я прохожу в ванную, чтобы умыться последний раз за день. Меня встречает отражение - уставшее, тусклое. Вода не стирает, лишь слегка освежает разум. Я поворачиваю кран. Капли продолжают идти. Они стучат по поверхности ровно и ритмично. Прохожу в спальню, ложусь рядом с женой.

- Кран течет. Я починю.

- Ты не сможешь. Я вызвала мастера.

Стук. Стук. Стук.

Точка

Прошедшие годы отличались лишь цифрами на конце. Кажется, сыну исполнилось двенадцать.

В тот день я зашел в бар после работы. Тусклый свет. Бутылки. Уставший официант. Он улыбался одному из гостей. Мужчина за столом долго рассказывал о своей работе и ушел, оставив банку для чаевых пустой. Его лицо охладело, он исчез за стойкой. Через несколько минут подошел ко мне. Снова улыбка.

- Мне как обычно.

Он кивает, не уточняя.

Вечер тянулся ровно. Бокал не успевал опустеть. Я смотрел на кружку: в мутном стекле отражался уличный фонарь. Пальцем провел по гладкому сколу. Кто-то не смог удержать в руках. Или не хотел.

Рядом возникла женская фигура. Сначала запах - тяжелый, отдающий деревом и ванилью. Потом перегар. Я поворачиваю голову. Губы. Пухлые и красные.

- Зажигалки не найдется?

Я протянул. Ее пальцы задержались дольше, чем нужно, медленно скользнули вдоль моего запястья. Тепло осталось, даже когда зажигалка оказалась в ее руках. Сжал ладонь.

Я вышел следом.

На улице пахнет сыростью. Асфальт поблескивал, в лужах размывался холодный свет. Беру последнюю сигарету и сминая пачку. Первая глубокая затяжка. Все вокруг замедляется, становится глухим. Она курит рядом и хмурится.

- Представляешь, два года терпела его, а он взял и ушел.

Я усмехнулся. Всего два года. Вобрал дым в легкие.

Она ходит взад-вперед, описывая круги. Каблуки цокают по мокрой поверхности. Потом шаги обрываются. Останавливается напротив и смотрит мне в глаза - долго, упрямо. Будто нашла ответ и проверяет, совпадает ли он. Выдыхаю. Плотная густая полоса медленно выбирается из губ. Касается ее щек, остается в волосах.

- Прогуляемся?

Ответил сразу, не успев подумать. Прошли несколько

квартилов, прежде чем осознал куда она меня ведет. Город становится тише. Останавливаюсь у входа в мотель: неоновая вывеска светит вполсилы, пахнет чем-то вязким и душным. Напряжение пробегает по спине. Делаю шаг назад.

Она толкает сзади.

- Пошли. Я оплатила.

Ноги снова уводят в сторону.

Номер внутри оказывается таким, каким его и представляешь. Обои с розочками, местами отходящие от стены, вмятины на изголовье кровати, темные следы от сигарет на подоконнике.

Первое, что я слышу - лязг собственного кожаного ремня. Потом дыхание у основания бедра и влажный язык, оставляющий скользкую полосу. Сердце бьется тяжело. Я пытаюсь сглотнуть, но во рту пересохло. Она переместилась на кровать, задрав юбку, чулки аккуратно сложены гармошкой на стуле. Подошел ближе. Пальцы сжали ее кожу, будто проверяя настоящая она или искусственная. Она взвыла слишком сильно.

Я вошел.

Без сопротивления. Движения начались сами. Как дело, которое нужно довести до конца. Я попытался посчитать розочки на обоях, но сбился, когда она притянула меня ближе. Взгляд никак не мог сфокусироваться на ее лице. Звучки приглушенные, ровные. Ритм нарушают лишь ее стоны - слишком явные и наигранные. Она обхватила меня ногами, руки протянуты вдоль спины. Изгибалась, кусала, царапала. Я молчал. Потом ее взгляд переместился с моего тела на окно. Ладони больше не цеплялись за мои плечи. Стоны прекратились. Все закончилось быстро.

Мы лежали еще несколько минут, приводя дыхание в норму, смотрели куда-то сквозь.

Она встала с кровати первая. Обыденно. Так, как встают утром на работу. Натянула чулки, поправила юбку в зеркале. Окинула взглядом комнату и исчезла в темноте коридора.

Дверь тихо защелкнулась. Я остался один. Комната наполнена гулом работающего кондиционера, запахом чужого парфюма и неровным светом лампы под мятым абажуром.

Я поднялся, прошел в ванную и обдал лицо холодной водой, смывая остатки похмелья. В зеркале замечаю след красной помады на вороте рубашки.

Стирать его не стал.

Сумка с вещами. Сын машет рукой. Поезд.

Я вернулся в город, где жил раньше. В этот раз меня никто не ждал.

Стою у входа в офис: знакомый серый фасад, пыль и сырость. Тот же самый, но в другом месте. Вешаю пиджак на крючок у окна. Ставлю кружку на стол прямо. Сажусь в кресло. Рядом тикают старые коричневые часы.

Не замечаю, как рабочий день заканчивается. Очнулся только тогда, когда в дверях появляется охранник. Он звенит ключами - ему нужно закрыть за мной дверь.

Выключаю компьютер. Собираю вещи. Выхожу.

На улице темно. Останавливаюсь возле машины, нащупывая в кармане пачку сигарет. Последняя. Вроде покупал недавно. Сигарета выскальзывает из рук и падает в лужу под ногами. Я наблюдаю, как она медленно погружается на дно. А потом утонула.

Дорога мутная, темная. Фонари размыты, дома над ними

едва различимы.

Два поворота ключа. Съемная квартира. Пустой стол.

Сбой

Я не заметил, как пошел четвертый десяток жизни.

Красный.

Зеленый.

Сзади нервно сигналят. Звук возвращает меня в реальность.

Кажется, я задумался.

Воспоминания отпускают, машина с рывком трогается. Двигатель ревет, набирая обороты. Окружение расплывается, улицы сменяются одна за другой.

Я останавливаюсь у светлого двухэтажного дома. Он такой же, каким я его помню: те же большие окна, тот же двор с хвойным деревом. Только фасад усыпан гирляндами - они пестрят, мигают, оповещают о наступлении праздничных дней. В глазах рябит от избытка цветов. Моргаю, чтобы привыкнуть.

Мнусь у входа, не решаясь пройти дальше. Сергей появ-

ляется раньше, чем мои ноги переступают порог. Он широко улыбается, а потом обнимает меня. Крепко, по-дружески, будто между нами не было прошедших лет. Замечаю седину на его висках и очки, стекла которых заметно стали толще - отпечаток времени. Почему-то от этого в груди становится чуть легче.

Захожу в дом. Внутри тепло, почти жарко - так, будто минуто назад я не мерз на улице. Воздух плотный, живой. У входа светлые кроссовки, разбросанные по ковру. Рядом с ними чистый холст с красками. Остальная обувь стоит прямо. Прохожу на кухню. На деревянном столе уже стоят два бокала и виски.

Время незаметно ускользает, бутылка пустеет. Мы разговариваем: о работе, о семье, о будущем. В основном говорит он, я лишь слушаю и киваю, иногда задаю вопросы, чтобы поддержать беседу.

Время незаметно ускользает, бутылка пустеет. Мы разговариваем: о работе, о семье, о будущем. В основном говорит он, я лишь слушаю и киваю, иногда задаю вопросы, чтобы поддержать беседу.

Мир вокруг будто застывает. Звуки отступают, разговор становится шумом где-то на фоне, слова едва различимы. Меня клонит в сон. Веки тяжелеют, тело медленно оседает в кресле, будто ему больше не нужно держать форму.

Взгляд тянется к дверному проему, задерживается, глядя

в темноту. Тень мелькает быстро, почти случайно. Я вздрагиваю.

Наверное, показалось.

Свет в коридоре включается. Через секунду в дверях возникает фигура. Она останавливается, опираясь о косяк.

Каштановые волосы небрежно свисают по плечам. Дышит быстро и суетливо. Нежная блузка наполовину выбилась из юбки - она поправляет ее, глядя на Сергея с легкой улыбкой, будто извиняясь за свой вид. Они что-то активно обсуждают.

Кажется, речь идет обо мне.

Я тут же отвожу глаза к бокалу в руках. Делаю быстрый глоток. Виски пахнет резко. И все равно, сквозь него, пробивается цветочно-фруктовый аромат. Он становится ярче и отчетливее по мере приближения шагов - легких и уверенных. Она останавливается рядом. Ставлю бокал на стол и протягиваю руку. Движение формальное - так, как здороваюсь с коллегой по работе. И тут же замираю, словно допустил ошибку.

Я почти убираю руку назад.

Она быстро перехватывает ее.

Рукопожатие оказывается твердым, неожиданно сильным. Я не сразу разжал ладонь. Мой взгляд метнулся - от сцепленных пальцев к ее лицу.

Наши глаза встретились.

- Здравствуйте, дядь Саш.

Она

Мелки

«В детстве мир вокруг казался ярче. Кто-то говорит, что с возрастом сетчатка глаза тускнеет и хуже различает цвета. Я же думаю - дело не в зрении. Сейчас мы смотрим, но не чувствуем».

Я помню, как сидела за кухонным столом и рисовала мелками на белой бумаге.

Стул большой, ноги не доставали до пола, мотала ими из стороны в сторону, напевая песенку из головы.

Бумага чуть шершавая, мелок цеплялся за нее, оставляя неровные, гуляющие линии. Вокруг витала мелкая пыль - она медленно оседала, ложась тонким слоем на стол, на подоконник, на мое запястье. Свет заполнял кухню почти до краев: густой, теплый, утренний. Мне хотелось поймать его в руку, но в ладони оставалась лишь тень. За окном пели птицы - их звуки переплетались в единую ненавязчивую мелодию. Через открытую форточку в комнату пробирался воз-

дух - прохладный, пахнувший весной и чем-то неуловимо живым. Он кружился, задевая занавеску, скользил по шее, играясь с волосами. Глубоко вдохнула его в свои легкие, боясь упустить момент.

Я почувствовала запах вспышкой - внезапным воспоминанием. Перед глазами пролетели картинки: мороженое, купленное папой в киоске у дома, мамин яблочный пирог с корицей, который она всегда готовила перед пасхой, скакалка, через которую мы прыгали с подругой на заднем дворе школы. Так пахла весна.

Взяла в руки мелок, начала рисовать. Не предметы - ощущения. Пыталась удержать их на бумаге, пока они не исчезли. Мелки скользили, оставляя яркие, непослушные следы. Цвета смешивались, ложились друг на друга, расплзались за границы. Все выросло в запутанный комок, линии образовывали несвязный узор, обилие цветов постепенно превращалось в грязное пятно. Получалось неправильно. Я попыталась добавить красок, но лишь сильнее размазывала его.

Я почувствовала, как кто-то подходит сзади. Шаги тихие, знакомые, воздух рядом стал плотнее.

Папа наклонился и поцеловал меня в макушку. Его щетина щекотала кожу, смех сам вырывался из моих губ. Улыба-

ясь, подняла глаза, увидела в его взгляде свое расплывчатое отражение. Он наклонился, чтобы взглянуть на мой рисунок.

- Красиво. А что это?

Я открыла рот, но не смогла издать ни звука. Не знала, как описать то, что пыталась запечатлеть на листе. Перебирала слова в голове, но они все казались слишком грубыми, слишком сложными для того, что я старалась сохранить. Мне вдруг стало жарко, уши горели, хотя в комнате было прохладно.

Закрыла рисунок ладонями. Мне стало неловко, будто меня поймали за чем-то личным. Рисунок плыл перед глазами - он казался чем-то стыдным и нелепым. Я скомкала лист в руках и выбросила в мусорное ведро под раковиной.

- Не получилось.

Голос вышел тихим, хриплым, почти виноватым. Папа пожал плечами, взял кружку кофе и ушел в свое кресло в углу комнаты. Развернул газету, страницы зашуршали. Каждый звук отпечатывался у меня в голове. Дрожь по телу собралась в единый ком, застрявший где-то в горле. Я задержала дыхание, чтобы больше не чувствовать мир вокруг.

Страницы переворачивались ровно и спокойно.

Карандаши

«Иногда замечаю, как во время прогулки или сидя одна дома - я разговариваю сама с собой. Могу часами вести диалоги, а потом не вспомнить, о чем говорила. Многие назовут меня сумасшедшей. Но в отличие от них, мне всегда есть с кем поговорить».

Четвертый класс - время, когда школьники еще совсем дети, но уже считают себя взрослыми.

Я смотрела на цветные карандаши, которые хаотично разбросались по пеналу. На них игрался свет, который пробивался сквозь жалюзи: он ложился неровно, кусками, постоянно переливаясь от небольшого потока ветра, который дул с открытой форточки.

Думала о том, какой цвет выбрать.

Вот желтый карандашик. Взяла его в руки и представила, как он влюблен в фиолетовый, но они не могут быть вместе, потому что тот сточен почти до основания. Зато есть голубой - он новый и красивый, но в нем нет той глубины, как в другом. Мне стало интересно, кого выберет желтый в итоге?

Медленно покрутила его в пальцах. Цвет яркий, насыщенный, но ему нужен второй оттенок рядом, чтобы он не казался слишком бледным. На нем небольшие следы от моих ногтей, а грифель стерся и нуждался в заточке.

Сделала первый штрих: сначала маленький и неловкий, в углу тетради. Линия выходит ровной, предсказуемой. Начинаю вести уверенней, сначала круг, потом черточки, абстракция превращается в забавную мордочку. Иду дальше: закручиваю, вывожу, штрихую. Лист тетради заполняется целиком - где-то узорами, где-то фигурами.

Не заметила, как у парты возник взрослый силуэт. Меня толкнула в плечо соседка и я будто проснулась из долгого приятного сна. Учитель стоял рядом, смотрел в тетрадь с явным недовольством.

Одним движением я вырвала листок и спрятала где-то в глубине портфеля. Он устало вздохнул.

- Тебе это не пригодится в жизни, Анна.

Учитель взял дневник со стола и вывел большую красную цифру рядом с сегодняшней датой.

- Пора братья за ум, - сказал не со злобы, скорее с сочувствием.

Класс разразился смехом. Я смеялась вместе со всеми, словно сделала какую-то глупость. Смотрела на свисающий из-под рюкзака край листка и думала, что на следующем уроке обязательно дорисую картину.

Остаток урока провела глядя в окно. Улица живет отдельной жизнью. Там летали птицы, мимо шли случайные прохожие: кто-то торопился, почти бежал, кто-то шел медленно, уткнувшись взглядом в асфальт. Я не сразу поняла, что прозвучал звонок на перемену. Когда отвела взгляд - заметила, что класс почти опустел.

Достала рисунок, чтобы рассмотреть его повнимательнее. Не успела положить на стол, как кто-то выхватил его у меня из рук.

Два мальчика носились вокруг моей парты, перекидывая его друг другу, смеялись надо мной.

- Чудила. Чудила, - обзывались они следом.

Я вскочила и побежала за ними. Знала, что этим только подогрею их интерес, но ноги сами несли меня следом. Уви-

дела, как один из них начал складывать из листа самолетик. Внутри поднялась волна, я не успела понять, как бросилась на них, выхватывая у них свою картину.

На секунду листок оказался у меня в руках.

Но тут же его перехватили.

Резкое движение. Треск бумаги. Рисунок порвался на части.

- Ну ладно, забирай, - бросили они и убежали из класса.

Села за парту, смотрела на две половины одного целого. Слезы подступали к глазам, внутри затаилась обида. Не на них - на ситуацию. Я могла не доставать рисунок из портфеля, не бегать, не прыгать. Может быть, тогда все сложилось бы иначе.

Подруга вернулась из столовой, подошла к парте и сразу заметила мое грустное выражение лица. Через минуту она уже нашла тех мальчиков и начала бить их учительской указкой. Движения хаотичные, но твердые: по голове, по рукам, по ногам. Они визжали, кричали, уворачивались, но извиниться даже не пытались.

Когда мальчики получили по заслугам - она села рядом с чувством выполненного долга.

- Спасибо, Кристин, - говорю искренне, пускай мне и не нравились ее методы.

- Придурки, - сказала она, будто констатировала факт.

Я посмотрела на нее с восхищением: она смелая, уверенная, всегда заступает за меня

Положила голову ей на плечо и почувствовала, как под кожей пульсирует жизнь. Дыхание постепенно выравнивалось, мы дышали почти в одном ритме.

Листок соскользнул со стола и упал на пол. Я не обратила на это внимание.

Я шла к остановке, волоча за собой тяжелую сумку. Она тянула плечи вниз, шаги становились короче. Бормотала себе под нос несвязные обрывки фраз, мир вокруг казался за пределами моего вакуума - пустым, картонным. Нужная маршрутка приехала быстро.

Автобус наполнен солнечным светом, села на свободное

сиденье: синее, со странным орнаментом. Рядом с ним кто-то оставил злобную надпись. Я достала из пенала маркер и нарисовала улыбающийся смайлик поверх сообщения. Дорога домой прошла тихо, почти незаметно.

Светлый дом залит лучами закатного солнца. Высокий серый забор, за которым виднелось небольшое узкое окно - там моя комната. Я зашла внутрь, кинула обувь у входа. На кухне мама держала кружку чая, смотрела кулинарную передачу по телевизору. Другой рукой записывала новый рецепт блюда в тетрадь. Она подняла на меня взгляд и легко улыбнулась. В тот момент я почувствовала жгучий стыд, опустила глаза и убежала вверх по лестнице.

В комнате достала дневник, положила его на стол. Ластик скользил по странице, вбирая под себя бумагу, делал ее неровной и шершавой. Цифра не стиралась. Она рвалась, расплзалась, становилась еще более неказистой.

Тень мелькнула в дверях.

Мама подошла сзади и выхватила дневник из моих рук. Смотрела долго, будто надеялась, что что-то изменится само собой. Потом ее взгляд стал грустнее.

- Опять отвлекаешься? Какая это уже по счету?

В голосе слышна обида. Я сильнее вжалась в кресло, будто пытаюсь раствориться в нем, исчезнуть.

- Завтра запишу тебя на гимнастику. Научишься дисциплине.

Хотела возразить. Сказать, что больше так не буду, извиниться. Но вспомнила двойку и слова разлетелись в разные стороны, не складываясь в единую фразу.

Мама бросила дневник на стол и вышла из комнаты.

- Вечером проверю уроки, - кинула она через плечо.

Я задержала дыхание, чтобы не заплакать.

В этот день я больше не брала в руки карандаши.

Я стояла и смотрела на себя в зеркале: аккуратный хвост, ровная спина, ноги в третьей позиции. В отражении будто другой человек. Тренер вел счет - ровно, монотонно.

Мы синхронно выполняли движения.

Шпагат давался особенно тяжело. Сверху на мои плечи легли женские руки: тянули вниз, сокращая расстояние между телом и полом. Поверхность холодная, режущая. Я закрыла глаза, стараясь удержать боль внутри, в темноте перед глазами плывут белые пятнышки.

Я представила, что нахожусь в космосе - вокруг никого, только я, звезды и бесконечное пустое пространство. Неприятные ощущения стали тише.

Учитель поднялся и перешел к другой девочке.

Открыла глаза не сразу.

Домой вернулась, когда на улице уже стало темно. Внутри работал телевизор, родители сидели на диване в обнимку. Я легла рядом, чувствовала тепло их тел, ровное дыхание, почти заснула. Меня разбудили и отправили учить уроки.

За столом я долго крутила карандаш в руках. Провела короткую линию на полях, потом резко убрала его обратно в пенал.

Достала ручку. Писала цифры медленно, аккуратно, боясь сделать лишний штрих.

На следующий день - снова зеркало.

Тренировки давались все труднее. Я долго всматривалась в одну точку. И вдруг вспомнила, что в альбоме для рисования давно не появлялось новых работ. Подумала о том, что стоит нарисовать что-то сегодня. Потом снова возвращаюсь к упражнениям. Дома - уроки.

Снова нет времени на творчество.

В один из дней, я сказала маме, что мне не нравится заниматься спортом.

Она перезаписала меня на другую секцию.

Они почти ничем не отличались.

После очередных занятий я вернулась с четким осознанием.

Подошла к маме и с уверенностью произнесла:

- Я больше не пойду.

Она подняла взгляд не сразу, будто переводила мои слова на свой, взрослый язык.

- Это говорит твоя лень. Ты бросаешь уже третий раз.

Она сделала паузу, затем добавила:

- Ты просто не умеешь завершать начатое.

К глазам подступили слезы, я убежала и закрылась в своей комнате.

Подушка стала мокрой. Всклипы разносились по всему дому. Мама вошла медленно, аккуратно села рядом. Ее пальцы нежно гладили меня по голове. Дыхание стало спокойнее.

- Ты пойми, я же не со зла - говорит она ласково, - Просто жизнь не всегда про «хочу», она про «надо».

Я знала, что много отвлекаюсь, что плохо учусь и что мама расстраивается из-за меня. Но и ходить на тренировки стало невыносимо.

- Ты поймешь, когда вырастешь, - продолжила мама, крепко обнимая меня за плечи. Слезы ушли.

Вскоре мы пришли к соглашению: я перестаю ходить на занятия, но начинаю учиться прилежнее.

Двоек в дневнике больше не было.

Акварель

« Если вдруг где-то слышу знакомую музыку - значит все делаю правильно.

Поэтому когда в жизни наступают тяжелые дни, я напоминаю себе: любое действие, любой период - не случайны. Все в мире имеет свойство заканчиваться. Плохие дни. Хорошие. И сама жизнь».

Десятый класс, пожалуй, самый приятный период в жизни любого школьника. Это время, когда ты еще не думаешь об экзаменах, но уже достаточно взрослый, чтобы возвращаться домой поздно ночью. Идеальная пора для влюбленности.

Я стояла в актовом зале в утягивающем черном платье на маленьких каблуках, купленных не по размеру. Переминалась с ноги на ногу, пальцы сжимали прозрачный файл с текстом, обувь уже начинала натирать. Строки давно знала наизусть, но все равно повторяла их в голове. Рядом стояла Кристина, смотрела куда-то в одну точку и не обращала ни на кого внимания. Ее номер после моего.

Кто-то коснулся моей спины. Ладонь твердая, уверенная - скользила, гладила, словно пыталась снять мое волнение.

Я обернулась.

Передо мной парень в аккуратном костюме, подчеркивающим спортивную фигуру и черных лакированных туфлях. Он широко улыбался, смотрел с сочувствием и пониманием. Светлые волосы, небрежно свисали по лбу, закрывая тонкие брови. За ухом закреплен небольшой микрофон. Ведущий. Учительница говорила, что подыщет нам кого-то из параллельного класса.

Я не заметила, как дрожь в теле прекратилась. Он поправил микрофон и вышел на сцену так, будто делает это каждый день. После пары фраз, в зале разразился хохот. Я не смогла сдержать улыбку, видя как спокойно и легко он вел себя на публике. Потом он объявил следующего участника. Произнес мое имя.

Я вышла на сцену и начала читать первый стих. Слова шли сами, строчка за строчкой. Смотрела на незнакомые лица: кто-то переговаривался, кто-то отвлеченно смотрел в телефон. Мой взгляд зафиксировался на тех, кто смотрел мне прямо в глаза. Воздух в груди стал легче. Когда закончила, аплодисменты наполнили помещение. Ушла за кулисы уверенным шагом, с теплым ощущением, что все получилось.

Я осталась после мероприятия, сказав Кристине, что догоню ее у класса. Искала взглядом его силуэт в толпе, а когда нашла, не смогла сдвинуться с места. Наблюдала, как он общается с людьми, его грудь вздымалась от смеха, он положил руку на плечо какой-то девушке. Я резко отвела взгляд, словно увидела что-то лишнее. Когда посмотрела во второй раз, он уже исчез. Без него зал казался слишком пустым и безликим. Развернулась и пошла к выходу с ноющим чувством, будто упустила что-то важное.

Я стояла у расписания и долго вглядывалась в строчки, пытаюсь понять, на какой урок идти дальше. Когда увидела нужный предмет, взгляд сам съехал вправо, к табличке рядом: «10 Б». В рюкзаке лежала шоколадка, купленная утром «на всякий случай». Пальцем провела по расписанию, остановилась на нужной строчке. Прикусила губу, к щекам поднялся жар. Ноги сами повернулись в другую сторону.

Кабинет. Не мой. Останавливалась, не решаясь пройти дальше. Рука застыла на ручке двери, она расплывалась перед глазами, железо под кожей казалось слишком холодным.

Наверное, это плохая идея. Очень плохая.

Делаю шаг назад. Дверь резко открывается.

Он стоял на пороге. Его глаза расширились, брови поднялись ко лбу, будто увидел призрака.

- О, та дрожащая девушка, - произнес он и показал на меня пальцем. Но тут же убрал, понимая, как это выглядит со стороны.

Сердце издало глухой стук. Все кажется нереальным: он вышел сам, стоял передо мной и даже вспомнил меня. Я замешкалась на секунду, а потом слишком быстро выпалила:

- Ой, похоже, ошиблась дверью.

Отговорка звучала фальшиво и глупо. Мне хотелось развернуться и уйти, закончить эту неловкую ситуацию.

- А, да, - сказал он спокойно, - Со мной тоже бывает.

Я резко подняла взгляд с пола на его лицо. Стыд вдруг исчез, вместо него появилась твёрдая, неожиданная уверенность. Облегченно выдохнула и потянулась к сумке.

- Раз уж так вышло... Хочу сказать спасибо за тот раз. Ты мне очень помог.

Я протянула шоколадку. Она слегка смялась под тяжестью

учебников, по обертке рассыпались мелкие крошки от чего-то, что лежало на дне портфеля. Он неловко улыбнулся, явно не понимая, за что именно его благодарят, но шоколадку принял. Мы быстро обменялись контактами.

- Кирилл, - в моем горле пересохло, - Мое имя.

- Аня, - голос прозвучал слишком сдавлено.

Я смотрела в его голубые глаза, словно стараясь разглядеть ответ на вопрос, который не могла сформулировать. Прозвучал звонок. Он вернулся в класс. Я стояла какое-то время неподвижно, а потом, вспомнив про урок, побежала со всех ног. Внутри гудело, сердце стучало бешено. Не от бега - от чего-то, что внезапно засело в груди.

Залетела в класс, свалилась на стул у парты.

В голове на повторе звучал знакомый мотив песни. Не заметила, как стала напевать его себе под нос.

За окном, сквозь облака, пробиралось солнце.

Оно казалось ярче обычного.

Экран загорался и тут же гас. Я нажимала на кнопку включения слишком много раз. Телефон лежал в руке холодно и одиноко. Кристина сидела рядом на диване с миской попкорна. Фильм шел, кадры сменяли друг друга, но я не запомнила даже имена героев. Крис время от времени смотрела на меня, потом не выдержала и спросила, что происходит. Я рассказала историю сбивчиво, кратко. Она молча ушла на кухню и вернулась с бутылкой родительского пива. Капли стекали по бутылке, собирались на столе темным мокрым кругом.

Выпила его практически залпом.

Экран снова вспыхнул. Быстро набрала «Привет», не успев передумать, нажала «Отправить» и тут же бросила телефон подальше от себя. Сжала пальцы на ногах, почувствовав боль от натяжения. Минута казалась вечностью. Потянулась и вернула его обратно в руку.

Ответ пришел почти сразу, будто он тоже сидел и ждал. Наверное, так же решался написать первым. Я улыбнулась и прикусила губу.

Остаток вечера прошел в переписке.

С того вечера началось наше общение.

Утром я первым делом проверяла его расписание. Оказывалась рядом с его кабинетом почти случайно. Он выходил, улыбался, мы перекидывались парой фраз.

Потом все повторялось снова.

Я стала ходить в столовую в то же время. Он начал занимать для меня место заранее. Мы сидели почти рядом, между нами был только его друг.

После уроков ждала, когда он выйдет из школы, чтобы пойти вместе. Мне нужно было в другую сторону, но я говорила, что нам по пути.

Вечерами мы много переписывались. Кирилл присылал мне смешные картинки. Я тратила почти весь день на поиск, чтобы отправить что-то смешное в ответ. Мне казалось, только мы понимаем друг друга. Связь чувствовалась даже в коротких сообщениях.

Мне нравилось ночами представлять, как мы проводим время наедине. И расстраивалась, когда реальность не совпадала с фантазией.

В какой-то момент что-то начало меняться.

Он стал реже выходить из класса на переменах, в столовой внезапно не оказывалось свободных мест, после уроков он незаметно уходил первый.

Переписка оставалась единственным местом, где он все еще был рядом. Мои сообщения все чаще висели непрочитанными.

Он извинялся, говорил, что сильно загружен дополнительными занятиями. Мне становилось неловко - за то, что накручивала себя и навязывалась.

Сообщение пришло внезапно вечером.

«Прогуляемся?».

Телефон мигал на кровати, пока я металась по комнате, выбирая одежду и поправляя макияж в зеркале. Выскочила из дома, забыв попрощаться с родителями.

Он сидел во дворе на лавочке в черном пальто, широко расставив ноги. Рядом стоял его друг в светлой ветровке. Мое лицо застыло, разочарование накрыло сразу. Кирилл увидел меня, начал махать рукой. Я собралась, натянула улыбку и подошла. Со временем стало спокойнее: мы раз-

говаривали, болтали об учебе. Он шутил как раньше, хлопал меня по спине. Мне казалось, что его рука задерживалась чуть дольше, чем нужно. Каждый раз дыхание сбивалось все сильнее.

В какой-то момент Кирилл достал сигареты из кармана пальто.

- Будешь? - протянул мне одну. Темную, с толстым фильтром.

Я замерла, смотрела на него, не замечая ничего вокруг.

- Да она не курит, не видишь что ли? - сказал парень в ветровке.

Я нахмурилась и резко вырвала сигарету из рук.

Первая затяжка. Дым оседает во рту вязко, не доходя до легких. Сжимаюсь, чтобы подавить кашель. На выдохе табак все равно режет, горчит, цепляется за горло. Из меня вырываются глухие, прерывистые звуки. Кирилл засмеялся, я улыбнулась в ответ. Вторая сигарета пошла легче. Вечер растворялся, как пар изо рта в холодном воздухе. Я рассматривала текстуру его пальто. В какой-то момент он посмотрел на меня и замолчал. Его глаза заблестели в свете фонаря. На-

клонился ближе и спросил:

- Слушай, у тебя вроде подруга... Темненькая такая. Он делает паузу. Холод пробегает по спине.

- Может позовешь ее как-нибудь? Будем вчетвером гулять.

Тело расслабилось, я согласилась сразу. Мысль о том, что так мы будем видеться чаще, казалась правильной. На душе стало спокойнее.

Домой я вернулась одна поздно ночью. Все уже давно спали. В ванной я долго стояла под струей горячей воды.

Намыливала тело снова и снова.

Табачный запах не стирался.

Кристина согласилась не сразу. Отмахивалась, говорила, что ей не интересно, что она не хочет лезть в наши отношения. Но мой взгляд - поникший, слишком честный, поменял ее решение.

- Но только один раз - предупредила она.

Я тут же бросилась к ней, обняла резко, не сдерживаясь.

- Ты лучшая.

На следующей неделе я готовилась к встрече так, будто от этого зависело все. Примеряла один наряд за другим - ни один не был «тем самым». Помыла голову, сделала укладку, нанесла легкий макияж, делая акцент на губах. Взяла тайком темную помаду у мамы.

На столе лежал маленький аккуратный конверт с красным бантиком. Внутри - стих. Писала его почти неделю: перечитывала, переписывала, меняла оформление, сбоку аккуратно выводила сердечко, потом стирала. Когда все приготовления были закончены - покрутилась перед зеркалом, проверяя, что все в порядке. Взяла конверт со стола и выбежала из дома.

С Кристиной мы пересеклись недалеко от места встречи. Она посмотрела на меня с восхищением, несколько раз похвалила мой наряд, пожелала удачи. Пошла дальше с твердой уверенностью, что всё получится.

Они ждали нас у входа в парк. На улице прохладно, но не

настолько, чтобы прогулка стала пыткой. Увидев знакомое пальто, я тут же встала рядом с ним. Мы шли вплотную, руки почти соприкасались. Он увлеченно разговаривал с Кристиной, стараясь, чтобы ей было комфортно в новой компании. Я почти не слушала, рассматривала родинку на его шее. Тело начало знобить, зубы стучали друг об друга.

- Может зайдем куда-нибудь? А то... - его взгляд скользит где-то между мной и Кристиной, - Одеты слишком легко.

Его друг цокнул языком слишком недовольно, будто он хотел предложить это первым.

Мы зашли в небольшое кафе. Внутри тепло, пахнет сладкой выпечкой и кофе. Официантка стоит за прилавком, ее взгляд мрачный, темные волосы туго завязаны в хвост, над ней - доска, мелом написаны названия напитков и цены. Чуть выше, чем позволял мой бюджет. Хотелось возразить, но все уже направились к небольшому столику у окна.

Крис села с края. Я хотела сесть рядом, но Кирилл плюхнулся между нами. Его друг сел напротив, смотрел отстраненно куда-то в сторону. Мы заказали чай и несколько пирожных. Ела машинально, мои мысли сосредоточились на неприлично маленьком расстоянии между нашими бедрами.

Меня слегка толкнули плечом. Поднимаю взгляд, он кивает в сторону друга. Я повернула голову. Тот повторил вопрос, который я не услышала:

- Все хорошо? Тебе стало теплее?

Парень в ветровке неловко поправил русые волосы.

Смотрела на него молча, не понимая, о чем он говорил, будто слышала незнакомый язык.

- Просто... - он замялся. - Я заметил, что тебе было холодно на улице.

- А, да... Нормально.

Ответила коротко и тут же посмотрела на Кирилла. Проверяла, как он отреагировал на наш диалог. Он пил чай, глядя в сторону. Делал вид, что ему все равно, но я понимала, что это не так. Аккуратно подвинула ногу ближе к нему.

Мы закончили прогулку поздно вечером. Было приятно, даже несмотря на то, что нас было четверо. Хотелось, чтобы такие встречи были чаще. Но все равно надеялась, что в следующий раз мы будем наедине.

Первым ушел его друг, потом мы долго прощались с Кристиной. Она крепко обняла меня и почти приказала моему «ещё пока не парню» проводить меня до дома. Он с радостью согласился. Улыбался Кристине долго и вежливо. Когда она скрылась за дверьми, мы развернулись и пошли в другую сторону.

Шли молча, расстояние между нами сокращалось, но диалог не клеился. Мне показалось, он просто застеснялся из-за интимной атмосферы. У моего дома я остановилась. Повернулась, доставая из кармана конверт.

- Это тебе, - протянула ему руку с бумажкой.

Он повертел картон в пальцах, уже собираясь убрать его в карман. Дыхание перехватило. Я прикусила губу чуть сильнее.

- Можешь прочитать сейчас?

Он небрежно развернул конверт, медленно достал листок. Бегло проходит глазами по тексту.

- Красиво. Спасибо.

И сразу убрал записку в карман. Дрожь собралась в руках.

Я молча смотрела на него, ногти царапали кожу.

Может, он просто не понял, что это про него.

Открываю рот, но он опередил меня:

- Уже поздно. Тебя, наверное, заждались.

Мы коротко попрощались.

Он ушел не оборачиваясь.

Я смотрела вслед, пока его силуэт не скрылся в темноте.

В ту ночь я долго не могла уснуть. Перед глазами всплывали касания, взгляды, его голос. Злилась на себя за то, что не сделала шаг навстречу, когда он был рядом. Потом стало стыдно. За себя, за стихи - слишком сложные, слишком непонятные. Подумала о том, что стоит все объяснить в следующий раз. Открыла глаза раньше будильника.

У забора заметила красную ленту, рядом лежал конверт. Наверное выпал, когда он убирал его в карман. Посмотрела на листок - он расплывался перед глазами. Медленно подняла его и положила в рюкзак.

Надо вернуть.

В классе Кристина была тише обычного, она часто смотрела на меня, но тут же отводила взгляд. Потом, между делом, протянула мне телефон с перепиской.

Читала долго, вчитываясь в каждое слово. Руки дрожали, сильнее сжали телефон. Надеялась найти в словах дружеский подтекст, но все было предельно ясно.

Он признался той, с кем виделся всего один раз.

Дыхание на мгновение остановилось. В ушах звенело, я прикусила губу, чтобы задержать влагу, которая подступала к глазам.

Вернула телефон и улыбнулась через силу.

- Бывает, - пожала плечами и отвернулась.

- Я заблокировала, - ответила она.

Я кивнула.

Следующие пару дней прошли как в абстракции. Я при-

ходила в школу с красными, опухшими глазами. Кристина делала вид, что не замечала, но ее чрезмерная забота выдавала все с головой. Много раз писала ему ночами, а утром удаляла сообщение. Хотелось верить, что он их не видел.

После уроков вышла из школы, смотря под ноги, пинала камушек по дороге к остановке. Внезапно передо мной возникли мужские ноги. Я подняла взгляд - светлая ветровка, русые волосы. Узнала его не сразу.

- Ты как? - спросил он искренне.

Я уже почти забыла. Перестала проверять телефон, не ждала его у класса. Но эта фраза звучала как щелчок. Слезы сами пошли из глаз. Он замялся, не знал, что делать, и просто обнял - крепко, тесно, тепло. Ткань на его куртке быстро намокла. Я пыталась вытереть рукавом, но не получилось. Он улыбался, гладил меня по голове, а потом просто стоял, пока я сама не отпустила его.

После того раза мы начали проводить больше времени вместе. Он любил рассказывать о комиксах про супергероев, киноселенных. Просил посмотреть меня пару серий любимого сериала, я отвечала, что посмотрю позже. Он начал провожать меня до дома и встречать у ворот школы. Мы могли переписываться о всякой ерунде до самого утра.

В один из таких дней он вел себя тише обычного. Слишком нервничал и погружался в мысли. Когда мы дошли до моего дома, я уже понимала, что должно произойти, но все равно с предвкушением ждала этого момента.

Мне всегда казалось, что первый поцелуй должен быть чем-то особенным, запоминающимся на всю жизнь. Однако все оказалось не таким, как обычно описывают в книгах. Мы обнялись на прощание как обычно: он положил голову на мое плечо, касаясь лица своими волосами, крепко обхватил руками. Потом он отпрянул и посмотрел прямо в глаза, будто ожидая увидеть в них подтверждение. Я смотрела в ответ, смущаясь от предстоящего момента. Его лицо приблизилось. Губы соприкоснулись. Сухие, слегка шершавые. Открывались, потом смыкались с неловкими звуками. Его язык вышел за пределы в поисках моего, а когда нашел, начал описывать фигуры. Круг, квадрат, треугольник - как по учебнику геометрии. Я ожидала вспышки, но ее не произошло. В этот момент почему-то подумала о ужине, который мама приготовила к моему приходу. Когда все закончилось он улыбнулся. Я улыбнулась в ответ.

Почему-то всегда ожидаешь фразы: «Давай встречаться?», но когда все начинается с поцелуя, никто уже и не спрашивает. Ты будто уже дал на это согласие. И сам начинаешь

верить в это. Когда он спросил: «Мы же теперь пара?» - я не стала спорить.

Так начались наши отношения.

Рядом с ним мне было спокойно. Я не сомневалась в его чувствах и хотелось верить в то, что мое сердце тоже однажды дрогнет.

Мы гуляли после школы до вечера, он покупал сладости, когда мне было грустно. Иногда мы зависали у него, смотрели фильмы. Я быстро подружилась с его мамой. Но чем больше мы проводили времени, тем чаще я ловила себя на мысли, что не совсем слушаю его. Погружалась в свои мысли, отвечая ему почти на автомате.

Однажды, он как обычно проводил меня до ворот. Папа, будто специально, решил вынести мусор пораньше. Увидев нас, он помахал, пригласил зайти в дом. Парень согласился.

Они быстро нашли общий язык. Темы шли одна за другой: футбол, учеба, рыбалка. Папа вдруг вспомнил историю, как он с другом выловил большую рыбу, а пока фотографировались, она выскользнула из рук и уплыла. Он громко засмеялся, мы улыбнулись в ответ. В какой-то момент речь на-

чала идти обо мне.

- Она наше сокровище. Ты ее не обижай. А то я тебя сам обижу, но сильнее, - он говорил это смеясь, но голос казался серьезным.

Потом он достал большую папку с моим творчеством. Я даже не знала, что такой альбом хранился где-то все это время. Среди них мои детские рисунки: мама с папой, домик с елкой, забавные каракули, нарисованные на уроках, первые картины на творческие конкурсы. Меня привлек небольшой мятый листок, спрятанный среди остальных. Я достала его, провела рукой, чтобы немного распрямить поверхность. Цветные линии, которые собираются в большое грязное пятно. Смотрела на него долго. Пыталась вспомнить, что именно на нем изобразила.

- Ты тогда выкинула его, я решил сохранить.

Папа произнес это обыденно. Что-то внутри дрогнуло. Я провела пальцами по неровной поверхности, будто касаясь времени, которое ускользнуло, но успело отпечататься на бумаге.

- Очень красиво! Почему ты перестала рисовать? - парень сказал это с искренним восторгом.

Я не знала, что ответить. Пожала плечами, резко отставив рисунки в сторону, словно они были слишком личными, для этой встречи. Время близилось к вечеру, он уже должен был вернуться домой. Проводила его, обняв на прощание, поднялась к себе в комнату. Достала из дальнего ящика листок и цветные карандаши. Старые, пыльные, но грифели заточены и готовы к работе, будто ждали этого момента все это время. Я не знала, что именно хотела нарисовать, руки сами вели по бумаге. Мне был не важен результат, я ощущала лишь процесс: линии образовывали силуэт, глаза метались, в пальцах пульсировало. Бесконечный поток мыслей внезапно исчез, оставляя лишь спокойную тишину. Внутри что-то перестало сопротивляться, наконец обретя свободу.

Когда лист оказался заполнен, я откинулась на спинку стула. Смотрела на белый потолок долго и пристально, словно пытаюсь разглядеть на нем узоры. Выключила свет и легла в кровать.

Темно и тихо. Слишком тихо для того, чтобы я продолжала притворяться. Слезы пошли сами, стекали по щекам, падая на подушку неровным пятном. В груди сжимало, тянуло, не отпускало. Не из-за парня и даже не из-за рисования. Из-за ощущения, что я начала жить не своей жизнью. И сама же выбрала этот путь.

Утром первым делом достала листок с профориентацией из портфеля. Зачеркнула «юридический» и вписала рядом, мелким шрифтом: «художественный». Руки дрожали, но внутри ощущалась уверенность. Впервые я почувствовала, что сделала что-то для себя, а не для кого-то.

- Художественный?

Мама кинула листок на стол, когда я ужинала. Он медленно осел на поверхности рядом с моей рукой. Внутри поднялась дрожь.

- Мы столько потратили на репетиторов, чтобы ты просто поменяла решение? - мама злилась, ходила по кухне кругами, скрестив руки, - Сереж, скажи ей.

Папа сидел напротив. Взял листок в руки, покрутил перед собой.

- Ну, милая. Она уже взрослая девочка, принимает решения сама, - он поправил очки, взглядываясь в буквы, спокойно отставил бумагу и продолжил пить чай.

Мама остановила свой хоровод вокруг стола. Закрыла глаза и медленно выдохнула.

- Ладно. Сдашь пробный по литературе - тогда поговорим, - она села на стул рядом, ее взгляд немного смягчился.

Когда пробный экзамен был сдан - меня записали на дополнительные курсы. Мы вместе смотрели подходящие факультеты, рассматривали университеты.

Так прошел год подготовки к поступлению.

Наступила годовщина наших с парнем отношений.

- Сюрприз!

Я посмотрела на коробку в его руках. Набор для рисования: кисти, баночки, краски. Упакован аккуратно, с душой. Сверху большой красный бант. Внутри поднималась тревожная волна, к горлу подступал ком. Хотелось броситься к нему в объятия, но я застыла, не в силах сделать шаг. Будто не имела права на его подарок.

- Не нравится? - его воодушевление сменилось неуверенностью.

Помотала головой.

- Нравится.

Подошла ближе и поцеловала его в губы. Наблюдала, как он закрывает глаза, растворяясь в поцелуе. Его руки скользили по талии, опустились чуть ниже, чем позволено. Холод прошелся по спине. Я отстранилась, провела рукавом по губам, стирая лишнюю влагу. Достала из кармана футляр - внутри темный кожаный ремень. Тяжелый, слишком грубый для него. Он все равно был рад, крутил в руках, как трофей и обнял меня крепче, чем в первый раз.

Мы заказали еду, сидели у него дома, как обычно. Лежали рядом: он смотрел в ноутбук, листая страницы, я смотрела на часы. Беспорядочно стучала пальцами по деревянному подлокотнику кровати, окружение давило и нервировало. Он поднялся и подсел ближе. Я вздрогнула.

- Вот, смотри, - указал на экран пальцем. - Можем переехать и поступить в один университет.

Взглянула на экран, потом на него, потом на свои руки. Тру ноготь о ноготь, пустота накрыла сознание. Думаю о будущем, в котором его нет видела. Ноготь с треском сломался, он упал на кровать мертвым грузом. В тот момент я вдруг по-

няла - если промолчу сейчас, снова начну жить чужой жизнью. Мой голос прозвучал ровно и спокойно:

- Нам нужно расстаться.

В комнате повисла тишина. Часы продолжали свой ход в прежнем ритме, только сердце никак не могло успокоиться. Он нервно посмеялся, тянулся ко мне, спрашивал, пытался понять. Я отдернула руки. Резко встала и ушла, закрыв за собой дверь.

Не помню, как дошла до своего дома. Поднялась в свою комнату. Ноги дрожали. Сползла вниз, чувствуя под собой холодную поверхность пола. Пыталась выровнять дыхание, но выходило плохо. Вбирала воздух резкими порывами, по телу пробегал озноб, слезы бежали из глаз тонким ручьем. Потом поднялся жар. Начала бить себя по голове, кусала, царапала, оставляя следы на коже. Пыталась вытеснить внутреннюю боль внешней. Потом просто молчала. Долго. Пока не поняла, что наконец дышу полной грудью. Внутри больше не было укора. Нет ненависти к себе, за то, что не могла дать ему то, что он заслуживал. Была лишь пустота: тихая, спокойная, как безграничный космос.

Я поднялась, медленно достала подарок из сумки. Долго смотрела, не решаясь взять в руки. Сделала глубокий вдох.

Пальцы нащупали необходимые материалы. Кисть сама начала скользить по бумаге, краска растекалась тонким слоем, заполняя пространство целиком. Все что копилось внутри - выплеснулось на бумаге. Плечи расслабились, в теле исчезло напряжение. Я посмотрела на готовую картину. Абстрактный узор: местами плотный и грязный, местами легкий и нежный.

Внизу аккуратная подпись:

«Акварель»

Холст

«Жизнь - это ходьба по глубокому снегу.

Каждый шаг - провал почти до самого дна. Чтобы сделать следующий, нужно вырваться наверх, собрать силы. Потом снова шаг.

Я хочу успеть дойти до финиша».

Рисование в университете почти ничем не отличалось от занятий по гимнастике. Та же выученная дисциплина, то же напряжение. Только вместо зеркал - белый холст. А вместо соревнований - диплом в конце учебного года.

Я сидела и смотрела на чистое полотно перед собой. В аудитории повисла давящая тишина: было слышно лишь чирканье карандашей, шелест кистей, редкие вздохи. Звучки ритмичные, все двигались как единый, отлаженный механизм.

Тема дипломной галереи - «Круг Иттена». Двенадцать цветов на идеальном круге. Почему-то, смотря на него - я всегда представляю людей. Каждый со своей ролью, характером и на своем месте. В тот момент я чувствовала себя где-то за его пределами, на перепутье между цветами.

Другие работы были почти закончены, последние мазки, финальные штрихи. У кого-то - цветная абстракция: если расфокусировать зрение, можно разглядеть силуэты птиц и животных. Кто-то работал грубо и хаотично: били кистями, выплескивали краску, заливали холст, чтобы получить что-то уникальное.

В голове крутились идеи - от фантастических миров, до абстрактных иллюзий, но ни одна из них не казалась «той самой», чтобы воплотить в жизнь. Больше всего боялась не успеть до последнего штриха, застрять где-то на середине. Поэтому я просто сидела и ждала, будто холст сам решит, что на нем должно появиться.

Преподаватель лениво сидел в конце аудитории, прикрывшись компьютером. Кажется, она просто дремала. Процесс ей был не интересен, важен только результат. Я устало вздохнула. Сегодня работа снова не продвинулась ни на шаг.

Вечером пришла к Кристине, жаловалась на учебу. Она сидела рядом, слушала, поддерживала, рассказывала про свою. Факультет другой - проблемы те же.

- Ты же талантлива. У тебя все получится, если захочешь.
- говорила она искренне.

«Если захочешь», фраза прокручивалась в голове на повторе. Я пожалала плечами. Понимала ее поддержку, но слова все равно не достигали центра. Хотелось, чтобы первая работа была особенной.

Ночью я долго смотрела в потолок. Мысли беспорядочно наполняли голову. Повернулась на другой бок, закрыла глаза и заснула.

Мне снилось, как я лежу в высокой траве: ветер перебирает волосы, небо светлое и ясное. Неподалеку стоит деревянный домик, на веранде - кресло качалка и чашка горячего чая. Вокруг ни души. Я сажусь и наблюдаю, как сменяется день на ночь, как небо покрывается тучами и начинается раскатистый дождь. Я ловлю капли руками, чувствую как они бьются о ладонь: холодные, живые. Только я. И мне никто не нужен.

Хотелось запомнить эти ощущения.

Сон оборвался резко, почти ускользнул из памяти. Я приложила усилия, чтобы задержать его подольше. Нужно было сохранить его, передать на бумагу.

Выбежала из дома, села в автобус до универа. Дорога ка-

залась невыносимо долгой, руки не находили себе места, в голове старательно удерживала образ.

В аудитории столкнулась с одноклассницей, извинилась, плюхнулась на свой стул. Пальцы сами нашли нужные материалы. Сердце ускорило, как перед прыжком с высоты. Процесс начался: кисти скользили, вбирали воду и краску. Цвета смешивались, входили друг в друга, становились единым целым. Мазок. Подбирала нужные оттенки. Снова мазок. Холст постепенно менялся: штрихи заполняли пространство, потом собирались в цветную спираль. Я на миг почувствовала, что это «то самое».

Преподаватель тихо подошел сзади.

- Красиво. Можно сместить композицию влево, будет весьма гармонично.

Рука замерла в воздухе. Учитель кивнул, вернулся на свое место, спокойно продолжил перебирать бумаги на столе. Страницы шуршат в ее руках. Я бросила кисть. Полотно передо мной расплывалось, будто рассыпаясь на мелкие части.

Я представила, как моя картина висит в центре зала, люди столпились возле нее, обсуждают, хвалят. «Гармонично». Слово застряло где-то на подкорке мозга. Она не должна

быть просто «гармоничной». Она должна быть чем-то большим. Посмотрела на рисунок снова - ничего особенного. Теперь он казалась уродливой и неказистой.

После занятий я тащила холст в руке, как узника, приговоренного к плахе. Подошла к мусорному баку и выбросила. Пальцы пачкались об невысохшую краску, картина цеплялась, не вмещалась. Я надавила с усилием и она резко провалилась вниз.

Внутри что-то дрогнуло, словно вместе с ней исчезла частичка меня. Отряхнула руки, пошла за новым в магазин. Бросила его вместе с красками у прихожей, чтобы не забыть перед уходом.

Упала на кровать без сил, без эмоций, без идей. Постельное белье было чистым, без лишних запахов. Я лежала на нем в уличной одежде. Краска на пальцах не высыхала. Она оставляла пятна на белой простыне.

Завтра точно начну работу.

Краски

Зима наступила незаметно. Я так и не притронулась к холсту.

Телефон вибрирует где-то под подушкой, вырывая меня из глубокого сна. Я открыла глаза, как после долгой спячки. Предметам вокруг нужно время, чтобы снова обрести форму. Беру трубку с опозданием.

- Где тебя носит? Я почти час не могу до тебя дозвониться.
- Кристина ругает меня. В ее голосе не злость, скорее тревога.

Смотрю на время - уже девять часов вечера. За окном темно, фонари отбрасывают искусственный свет по дороге, идет мелкий снег. Я легла днем, рассчитывая поспать пару часов. В голове резко прояснилось, по телу пробежал импульс. Вспоминаю о встрече, на которую должна была приехать несколько часов назад.

- Скоро буду - бросаю я и вскакиваю с кровати.

Руки хватают первое, что попадается в шкафу: нежная

блузка, черная юбка-карандаш. На аккуратность нет времени. Я бегу вниз по лестнице, не чувствуя ступеней, пробегаю через коридор, прямо к выходу. Мельком взгляд цепляется за незнакомую тень на кухне. Замираю в прихожей, не успев надеть обувь. Руки сами тянутся к выключателю. Свет загорается. Взгляд фиксируется на одной точке, собирая картину по кусочкам. В груди нарастает любопытство, смотрю на выход, а потом на коридор. Что-то не дает покоя, я медленно пробираюсь обратно и останавливаюсь в дверях.

Папа сидит за столом и пьет виски с каким-то мужчиной. Я вдруг осознаю, что выгляжу слишком небрежно, машинально начинаю заправлять блузку. Виновато поглядывая на отца за то, что вышла в ненадлежащем виде.

- Это Саша, друг детства. Ты наверное не помнишь, - говорит папа, язык заметно заплетается.

Я смотрю на стол - бутылка виски почти пустая. Потом мой взгляд скользит к мужчине в сером пиджаке. Он держит бокал, делает небольшой глоток. Я пытаюсь найти в воспоминаниях хоть что-то, но в голове лишь пустота.

Помню старые фотоальбомы: папа улыбается рядом с другом, у них в руках большая рыба. Помню истории, рассказанные за столом про студенческие годы, шумные и беспечные.

Помню письма с аккуратным, твёрдым почерком, короткие поздравления к праздникам. Все эти фрагменты сходятся в одну точку - усталый мужчина, пьющий виски. Почему-то я представляла его иначе. Мне вдруг становится интересно, какая жизнь так сильно изменила того улыбчивого парня?

Я делаю шаг - сначала резкий, из импульса, потом более уверенный. Подхожу ближе, не успевая решить, что делать дальше. Он резко тянет ко мне руку. Я теряюсь. Ожидала другого: объятия или простого кивка. Секунда и он начинает убирать ладонь. Я быстро перехватываю ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.